

Инна Кашежева

«Я посвящаю эти строки тебе...и, может быть, себе...»

Жизнь – одуванчик, мы – пушинки,
дунь, и кого-то нет уже...
А если дунут по ошибке,
куда лететь моей душе?
Не знаю мира я иного,
любя земные рубежи...
Душа к полёту не готова.
Поосторожнее дыши.

У судеб, как у звезд, есть величины.
От злых напастей, от неожиданных бед
ношу я в сердце снежные вершины,
как в древности носили амулет.
Пускай враги и недруги злословят.
и пропасти, и ветры без конца...
Я знаю: горы Родины заслонят
меня, как плечи сильного отца.

Дожди

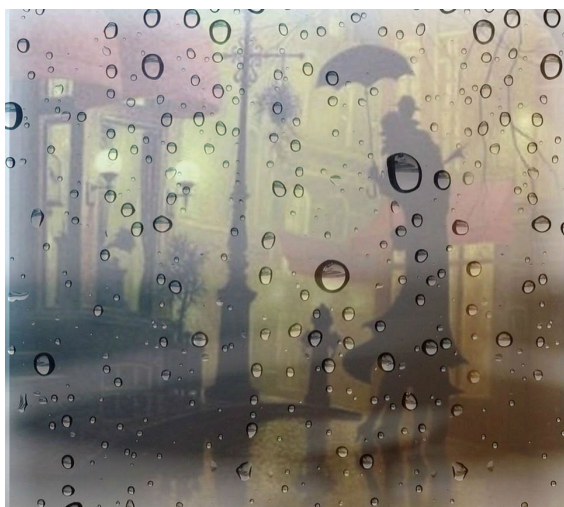
Сыплют с неба капельки
За окном...

Дожди... Как я хочу, чтоб они
Умчали вдаль все наши чёрные дни.
Дожди... Бежим в дожди босиком,
Чтоб ты не подумал бы вдруг не о том.

Сыплют с неба капельки
За окном...

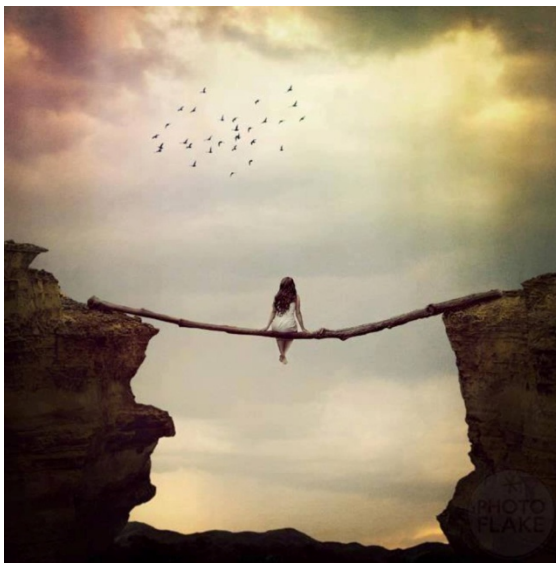
Дожди... Должны дожди успевать
С наших сердец следы чужие смывать.
Дожди с тобой вдвоём переждём.
Как мне бы хотелось твоим стать дождём!..

Сыплют с неба капельки
За окном...

Сад в дождь склонил своё лицо –
спасительная влага...
И разлиновано крыльцо,
как детская бумага.
Двадцатый век отвергнуть рад
любое повторенье.
Но – этот дождь? Но – этот сад?
Но – первый день творенья?

Какое-то странное чувство,
 что скоро с весенних небес
 нагрянет неожиданное чудо,
 хотя не бывает чудес.
 Решится какая-то тайна,
 которая мучит давно.
 Случится, решится... А странно
 и боязно чуть всё равно.
 Как напрочь забытая рифма,
 во мне оживает опять
 в биенье смятенного ритма
 глагол удивительный – «ждать».
 А долго ли – это неважно.
 На счастье своё, на беду,
 живу напряжённо, отважно
 в коротком сопряжении – жду!

Плати, плати, за всё плати,
 за всё плати всегда.
 И словно векселя – пути,
 и как счета – года.
 Плати любовью за любовь,
 враждою за вражду.
 К пустой суме себя готовь,
 сумей прожить в аду.
 А на миру и смерть красна,
 людьми её укрась.
 На чёрта мне твоя казна?
 Я выбираю казнь
 платить, платить, за всё платить
 из той, пустой сумы:
 писать, любить и, может быть,
 тебе ссудить займы.

Про всё пишу, тебя не трогаю,
 Как будто не было и нет,
 Хотя тащу тяжёлой торбою
 Тоску и радость прошлых лет.
 Ко всем хожу, тебя не жалею,
 Как будто сторож у дверей.
 И каждую попытку жалкую
 Войти гашу в себе скорей.
 Но знаю, будет наказание
 За чистоту грехов моих,
 За нежеланье осязания
 И губ и рук – таких живых!
 Но знаю, за моё монашество,
 За этот мой великий пост
 Ты мне в последний миг покажешься
 Светлей и ярче прежних звёзд.
 И я через разлуку долгую,
 Сорвав вериги встреч и строк,
 Неистово тебя потрогаю,
 Как перед боем образок.

Я пью судьбу, подобно
кувшину с молоком:
не дробно, не подробно,
а сразу – целиком.
Я пью судьбу, как будто
большой кувшин, – до дна!
Ведь только было утро,
а вот и ночь видна...
Что капли почему-то
вдруг иногда горчат,
не виноваты утро,
кувшин или гончар.
И ночь не виновата
последнего глотка...

А всё же маловато
в кувшине молока!
Пьёшь – на себя посетуй,
что думаешь опять:
«...За капелькой последней
всё снова бы начать...»
И я, и ты, и каждый,
приговорённый жить,
с рожденья болен жаждой
бездонное испить.
Не оскудеть потоку
с достигнутых вершин,
когда вручишь потомку
наполненный кувшин!

Повернусь лицом к истоку,
Обернусь к своей заре....
Сколько строк еще исторгну
В этой жизни на земле?
Разве люди это знают:
Кони времени быстры...
Но, как маяки пылают,
Рода-племени костры.
Там, у давнего истока,
У родного родника,
Из любовного восторга
Родилась моя река
Далеко мне до итога,
Ну, а если близко, что ж...
Повернусь лицом к истоку,
Благодарно улыбнусь.

Чужие стихи перечитывай вновь
Не бойся влюбиться в чужую любовь,
Не бойся чужою бедой заболеть.
Сумеешь - чужому сомненью ответить,
Сумеешь – чужие грехи отпусти,
Сумеешь – чужую обиду прости,
Сумеешь – чужого врага пощади.
Но только чужие слова не тверди,
Но только чужую тоску не лечи,
Но только, как жить, никогда не учи!

Сколько жизнь накопила "а помнишь?"
в тайниках повзрослевшей души.
Торопливое время, опомнись,
Не спеши! Не спеши. Не спеши...
Я, не глядя, свой жребий бросала,
Я, играючи, крест свой несла!
что писала - меня не спасало,
что любила, сама не спасла.
Даровала высоты и петли
мне безоблачно грозная жизнь.
Бесконечное время, не медли-
торопись... Торопись! Торопись!

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Ран не сосчитать,
пут не размотать,
бед не отменить,
век не удлинить.

Пусть меня простит,
кто живет без ран:
отпущу свой щит,
попаду в капкан.

Сокращу свой путь, -
вот она, беда...
Но ведь в этом суть:
быть собой всегда.

Как молоды мы были,
как счастливы мы были!
И время и здоровье,
не думая, губили.
Бродили до рассвета,
будили сонный город...
На память знает это,
кто был когда-то молод.
Свиданья под часами,
где ждали нас часами...
Под этими часами
вы целовались сами.
Под этими часами
в миг встречи, в век разлуки

казнили и спасали
единственные руки.
Рука руки касалась
с поспешностью беспечной,
и молодость казалась,
как время, бесконечной.
Опять заря разбудит
для радости планету,
и старости не будет,
а смерти - вовсе нету!
...Я ошибусь, поправьте,
реальность время смыло,
но было все по правде,
что в молодости было.

ТОЛЬКО ТАК

Это не мы, а юность поседела
в случайном вихре будущей зимы.
Натягивались нервы до предела
как стропы парашюта у земли.
Мы заново все сами проверяли,
порой дурачась, а порой бесясь...
Отцов теряли и друзей теряли.
Ну что же, что война прошла без нас?
Летят ее горячие осколки
в нас и сейчас и попадают вновь
то в сердце друга, то в отца, то в строки,
то в самое бессмертное - в любовь.
Вот потому-то мы не умираем,
хотя и под прицелом у нее,
хотя такое иногда теряем,
перед которым меркнет бытие.
Задумались об этом лишь впервые,
лишь на пороге будущей зимы...
Пусть с ранней сединою, но живые
за все на свете отвечаем мы.

Убили праздник души- наивную птицу души...
И кровь на клюве, словно слезинка на веке..
Попробуй-ка сам опиши,
Как умирает душа в человеке,
Убили праздник, кому он мешал?

Я мчусь по трассе тишины
и вижу, как когда-то,
и желтый катафот луны,
и стоп-сигнал заката.
Держу я прямо на рассвет,
но сознаю в итоге:
назад в рассвет дороги нет,
как в юность нет дороги.
Уже остались позади
и лихость и беспечность.
Не знаю, что там впереди?
Все... Но не бесконечность.
Оставим временно минор,
слезу в пути подсушим,
пока еще гудит мотор,
пока - зеленый светофор
и руль рукам послушен!

Господи! Какие сны нам снятся!
 Как же нас природа создала?
 Но до этой тайны не добраться,
 не разбив волшебного стекла.
 И не будем сетовать на это:
 не вернуть погасший блик свечи...
 Лучше сохраним под сердцем где-то
 все, что остается там - в ночи.
 Силуэты, символы и лица,
 странных происшествий череда...
 Только бы не перестало сниться
 то, что исчезает навсегда.

Взлетов и падений вереница,
 темное знахарское вино...
 Воспарить во сне или разбиться, -
 ах, какое счастье нам дано!
 Надписей магических страница -
 вновь шаманит мозг усталый наш.
 Может, это завтра повторится?
 Но ведь сну приказа не отдашь.
 Трудно утром с грезами расстаться,
 только жизнь диктует нам свое...
 Господи! Какие сны нам снятся!
 С них и начиналось бытие.

Как известно, молодость безбожна,
 Ей не надо вечности богов...
 Оттого, наверное, безбольно
 И проходит первая любовь

Первая, смущенная и лунная,
 Первое свечение юных глаз...
 Первая любовь беспоцелуйная,
 Ах, зачем ты покидаешь нас!

Ты, с которой под луну, под дождь ли
 И под свет далеких звезд любых...
 Умоляю, мальчики, подольше
 Не целуйте девочек своих!

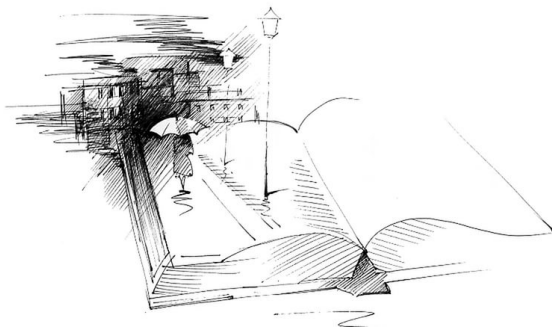
Как ты уходишь долго!
 Ступеням нет конца...
 Все-все на свете смолкло,
 и лишь стучат сердца.
 Как ты уходишь быстро!
 Никто бы не смог быстрее...
 И вслед кричать нет смысла
 под выстрелы дверей.
 К нам в дом пришла разлука,
 пришла давным-давно.
 Нам трудно друг без друга,
 но так уж суждено:
 пора прощаться,
 прощай, прости...
 Нет сил остаться,
 нет сил уйти.
 Нет сил касаться
 огня в груди...
 Пора прощаться,
 прощай, прости!

РАЗГОВОР С СОБОЮ

Посиди иногда сам с собой,
ночь до капли на это потратить
и прими свою боль, словно бой -
тот, который нельзя проиграть.
Будет медленно небо светлеть
в невесёлом дождливом окне,
будет сердце так сильно болеть,
как болит у солдат на войне.
Сам признайся себе, что не так,
разорви заколдованный круг,

чтобы враг был ужасен, как враг,
чтобы друг был прекрасен, как друг.
И не бойся себя уличить,
что не сжёг за собою мосты...
Боль свою надо правдой лечить,
про которую знаешь лишь ты.
Сам себе иногда помоги
одинокую боль превозмочь,
а тому, кого любишь солги
и скажи, что ты спал в эту ночь.

Вы, с которыми были на "ты",
спасибо!
Пропускали сквозь щедрость своей доброты,
как сквозь сито.
Промокали усталые капли со лба...
Спасибо!
Вам казалось, что это ваша судьба:
спасти бы...
Вам казалось, хоть слаб человек, но - поэт...
Вы правы.

А поэт, это просто эпохи портрет
без оправы.
Так зачем вы хотели необъятность и - вдруг? -
втиснуть в раму?!
А куда деть смятение мыслей и рук
и - сердечную рану?
Ах, попробуй себе хоть немного солги
в междометьи, в глаголе...
И идите вы все на четыре строки
моей боли!!!

Кто отдает приказы?
Кому хорошо в палатах?
Руки твои погасли
у меня на плечах.
Кто-то вмешался третий,
что-то пришло извне...
Как мне всё это встретить,
как проводить всё мне?
Как мне с плечей покатых
пепел ладоней стряхнуть?
Что мне сказать, пока ты
не скажешь мне что-нибудь?!

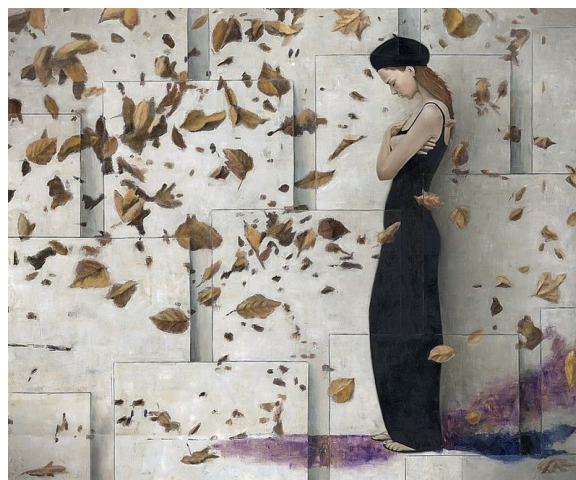

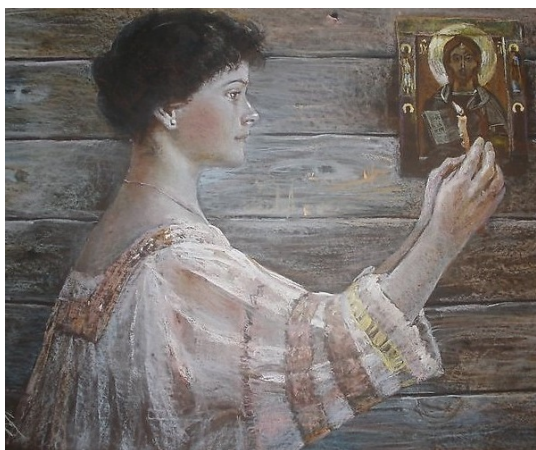
Сегодня умер снегопад
зимы моей любви.
О, сколько раз он невпопад
будил огонь в крови!
Он столько раз, он столько лет
рабовладельцем был
и белизною белый свет
в моих глазах затмил.
И в жизни не было сложнее -
теперь смешных! - проблем.
...Засвеченные кадры дней...
Ушедших лет пробел...
И был сугробами горбат
неповторимый путь.
Сегодня умер снегопад,
и ты о нем забудь.
Того, что было, не вернуть,
не заманить назад...
Мне не забыть, а ты забудь
про этот снегопад!

Когда любимые стареют
и празднуют свои полвека,
остановить стихи сумеют
навекы облик человека,
который был когда-то юным
и в поцелуе задышался...
Как между севером и югом,
простёрла жизнь своё пространство
меж нами, близкими до боли -
казалось, ближе быть не может... -
но мы в неволе, мы в неволе,
и так живём, как жизнь положит.
Как жизнь прикажет, как захочет,
её подчинены законам...

Но снова юность захохочет,
блеснув в лицо зрачком зеленым,
своим зрачком неповторимым
и золотой короткой стрижкой...
Зачем стареть нашим любимым?
Полвека... Это слишком. Слишком!
Как прошлое ворвалось звонко,
собою зачеркнув все звуки,
и криком первого ребенка,
и горьким шёпотом разлуки...
Полвека, Господи, полвека!
А дальше сколько остаётся?...
Саднит заплаканное веко,
а сердце юно-юно бьётся.

Мои друзья уже постарше
отцов, вернувшихся с войны.
Чем я иду по жизни дальше,
тем больше мне они нужны.
Свела судьба нас, а не случай,
свела и силу мне дала.
Мои друзья других не лучше,
но ведь они - мои друзья.
Ко мне друзья приходят редко,
уж так диктует бытие.
Но помню их, как помнит ветка
большое дерево свое.
Порой беды колючий ветер
влетит ко мне... Но знаю я:
они живут на белом свете,
мои друзья. Мои друзья!
И дружба вновь легко и смело
беды отводит острие.
О, только б вечно зеленело
большое дерево мое!

Мы жили праведно и строго
в тени отеческих могил.
И все же мы забыли Бога,
а он нас помнил и любил.
Глоток воды и корка хлеба...
Ему не надо ничего.
Он ждал: когда же мы не в небо
вглядимся зорко, а в Него?
Но, как моря, мельчали цели
и стыло прошлое в золе.
Как много ставят свечек в церкви...
Как мало веры на Земле!

Поэтами рождаются, и это
там где-то в небесах предрешиено.
И загодя налито для поэта
отравленное вечностью вино.

Кашежева Инна Иналовна (1944–2000) - поэтесса, автор двадцати поэтических сборников, множества популярных песен и переводов зарубежных поэтов. В 60-е годы, когда вся страна жила ожиданием перемен, стихи Инны Кашежевой были чрезвычайно востребованы. Сейчас, к сожалению, её имя почти забыто.

Её стихи представляют собой удивительную конструкцию тонкой лирики, точных философских размышлений, непреходящей грусти, порой тоски, и в то же время – звонкой радости, восторга, вечной влюбленности.

